

В седьмом номере вашего журнала была опубликована статья "Судьба" моего земляка Рахмыла Бейленсона о довоенном Сиротино. Я читал, и события шестидесятилетней давности проплывали перед глазами. Как будто вчера это было. И наша молодость, и добро местечко Сиротино. Я решил кое-что дополнить в рассказе Рахмыла Бейленсона.

До войны Старое Сиротино, как его называли, ничем не выделялось среди других местечек, кроме множества бедных евреев, нашедших место в колхозе им. Урицкого. Коробейничество, частный промысел, извоз также занимали значительное место в их жизни. Как правило, в каждой семье было много детей, женщины занимались домашним хозяйством. Другая, белорусская часть населения, тоже работала в колхозе и различных учреждениях. В начале июля 1941 года Сиротино было оккупировано.

После большого пожара, происшедшего в результате

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

боя между оставшимися в окружении частями Красной Армии и фашистским гарнизоном, многие улицы полностью сгорели. Горело все: люди, скот - и, казалось, что земля горит, не говоря уже о том, что везде валялись трупы советских солдат и раздетых фашистов с оружием. Дело в том, что фашисты были застигнуты красноармейцами врасплох, так, что даже одеться не успели. Бой длился с вечера до самого утра.

Специальные зондеркоманды фашистов разгромили синягогу, устроив там коношину. Старых евреев фашисты заставляли сжигать свитки Торы и Сидурь. Все это было сделано прилюдно. Это была первая карательная операция. Мужчины помоложе под палящим солнцем дубинками ежедневно выгоняли колхозников дороги, улицы. У всех должны были быть нашиты желтые тряпичные круты. Эти нечеловеческие, средневековые издевательства и унижения я видел собственными глазами. В моем детском сердце кипела кровь, росла ужасная ненависть и злоба. Еврейское население было загнано в гетто в районе еврейского кладбища.

Так мучительно проходило лето. Источников питания не было. Выменивали оставшиеся тряпки на кусок хлеба или картошку. Примерно в октябре фашисты устроили вторую карательную операцию. В один из дней в Сиротино приехали и остановились около пожарной 4 машины с эсэсовцами. В закрытые кузова машин загнали всех мужчин и парней. Среди них были мой отец 1898 года рождения и старший брат 1924 года. Над кузовом торчала какая-то труба. Теперь я понимаю, что это была душегубка, где угарным газом умерщвляли людей. Полиции из местного населения угоджали фашистам, заботясь о том, чтобы ни один мужчина не остался на воле. Уехали эти машины в сторону Витебска, и больше о муженьках никто ничего не знал.

Таким образом, в гетто остались беззащитные женщины, дети и старики. Среди них были моя мать, два меньших братика. У одного из них была дизентерия, а маленькая, еще не умеющая ходить сестренка, болела воспалением легких. Без лечения и питания она задохнулась и умерла. И еще была старенькая бабушка. Сколько еще находилось людей в гетто, мне трудно сказать, но не одна сотня. В каждом доме было 5-6 семей. Фашисты с полициями беспрерывно шастали по домам, забирали все, приглянувшееся им. Голод, болезни, страх приводили людей в ужас. Все понимали, что дело идет к концу. Те, которые могли ходить, искали какую-нибудь пищу на уже убранных огородах.

Позже фашисты придумали следующее: они выманяли

оставшиеся у некоторых женщин золотые сережки и колечки под предлогом, что эти «ценности» помогут вызволить людей от голода и холода.

В один из декабрьских дней вокруг гетто были выставлены вооруженные фашисты. Началась паника, стало ясно, что приходит конец. Люди метались, просто следили с ума. Я сказал маме, что не при каких обстоятельствах не сдамся живым, любыми путями постараюсь уйти. Мысль работала быстро и автоматически. Я, с одним из моих братьев, пытался убежать из гетто, но тщетно. Заметили эсэсовцы. Предупредительный выстрел и окрик «Хальт, дуриок» заставили нас вернуться. Мама видела метание, плакала, но не противилась моим действиям. Я, полураздетый, спрятался на чердаке. Было холодно, и душка кашель. Старался жевать кусок сухой коры. На чердаке я обнаружил двух девочек Старосельских, тихою сидевших в углу. Меня колотило от страха и холода.

Я видел, как фашисты прикладами выгоняли на улицу изможденных людей. Голоса мамы в этом ужасном крике я не слышал. Был уже вечер, крики постепенно удалялись. Стало темно и тихо. Потом слышны были автоматные очереди. Это был расстрел.

Ночью через еврейское кладбище мне удалось бежать вместе с двумя девочками. Пробежав километров пять, я предложил разойтись, может, кому-то удастся спастись. Над Сиротино светилось зарево пожара, а мы бежали дальше, гонимые страхом и горем.

Я, под чужой фамилией, скитался по лесам и деревням Западной Белоруссии. Девочки, с которыми я бежал, тоже выжили. Сено, она была старше меня, под чужой фамилией утнала в Германию на принудительные работы. Младшую сестру Хану Соня пристроила у знакомых в одной из деревень.

Как дальше у нас сложилась жизнь? Меня освободила Советская Армия в июле 1944 года в районе Молодечно. Потом работал на Урале, служил в армии, переехал в Ленинград, где жил мой дядя. Работа, учеба, семья...

Соня Старосельская умерла восемь лет назад в Луге (под Ленинградом), где она проживала. Хана живет в шахтерском поселке под Днепрпетровском, очень больная.

Из тех, кто был в сиротинском гетто, спаслись только мы и моя тетя Лушилова, бежавшая из гетто со своей матерью еще до расстрела.

Мы, живые, вечно будем помнить наших матерей и отцов, братьев и сестер, бабушек и дедушек. Мое существование — это память о тех, кто уже никогда не будет услышан.

Григорий СКОБЛОВ.